

Юрий Кублановский: В поисках духовной основы

7 Сентября 2017

«Долгая переправа» — так называется новая книга Юрия Кублановского, в которую он собрал все свои стихи, написанные в XXI веке. 17 октября в Государственном музее А. С. Пушкина в Москве состоится её презентация.

«Переправа для меня накрепко связана с детством, с Рыбинском, — сказал поэт в одном из интервью в конце апреля, накануне своего 70-летия, раскрывая многозначность этого слова-символа для себя. — Я же с Волги. Когда ещё не было там моста, дорога шла зимой по льду между вешек, воткнутых тёмных веток, — чтобы не сбиться со снежно-льדיстого пути. Летом на моторках, а то и просто на вёслах мы добирались до другого берега. Ходил паром. Паромная переправа! Какая поэзия! Каждый год при случае обязательно переправляюсь через Волгу в Мышкине, в Романове-Борисоглебске. А в последнее время, когда подолгу живу на Оке, плаваю в Тарусу. Переправы мне часто снятся, это образ, который бежит у меня по жилам».

Беседа с Юрием Кублановским, которую предлагаем вниманию читателей, давняя — она состоялась 22 августа 1996 года. Но по-прежнему не потеряла актуальности.

— Юрий Михайлович, недавний президентский указ «Об утверждении концепции государственной национальной политики Российской Федерации», который «поручает» учёным разработать новую национальную идею, вызывал весьма бурную реакцию. Что вы думаете по поводу этого «социального заказа»?

— Когда в конце 1989 года я — после семи с лишним лет вынужденного отсутствия — приехал в Москву из Мюнхена, эмигранты были в большой моде: стихи, интервью рвали

прямо из рук, телефон надрывался с утра до ночи. Но стоило мне только заикнуться, что потребительское общество как таковое не может быть единственной целью для посттоталитарной России, что необходимо восстановление традиции, оборванной революционным беснованием, а также национальный идеал, благодаря которому земля отечества будет чем-то бóльшим, чем просто предметом эксплуатации, поводом для наживы и всемирной свалкой отходов, как у «Огонька», «Московских новостей» и прочих «флагманов перестройки» словно руки отсохли: никто не хотел такое печатать. «Общечеловеческие ценности» — и баста.

Как точно тогда сказал Александр Солженицын, вместо «красного колеса» по России покатилося «жёлтое колесо», подминая духовность, честность и бескорыстие. И вот теперь, когда нравственный распад достиг гомерического размаха, когда шоу-бизнес съел культуру, а криминальное рвачество — честное производство, вдруг вспомнили о «национальной идее».

Да и к кому президент обратился с предложением её разработки? Право, это выглядело комично. Раскормленная самодовольная столичная интеллигенция, чувствующая себя за границей гораздо более дома, чем в каких-нибудь ста верстах от столицы, — на какую «идею» она способна?

— Национальный вопрос — один из самых взрывоопасных в России. Не окажется ли выработка национальной идеи новыми «спичками»?

— Национальная идея не только не опасна для государства, но и необходима ему. Говорят, страна наша многонациональна и потому национальная идея может стать яблоком раздора и миной, заложенной под её единство. Однако не надо путать национальную идею с расовой. Расовая идея биологична. Национальная — духовна. Ведь сейчас до чего доходит: лишний раз слово «русский» нельзя сказать — сразу начинают подозревать в юдофобии, великодержавности и прочих смертных грехах. Но так же может продолжаться до бесконечности! Ни одно государство не может жить без национального патриотизма. Вероятно, не нужны такие крайние формы, какие он принимает, например, в Израиле. Но опроставшееся от коммунистической идеологии «жизненное пространство» России должно же быть заполнено положительным идеалом! Всё и вся прибравший к рукам американизм просто невыносим. Да и сотой доли такого засилья иностранщины сами американцы, к примеру, не потерпели бы! Да американский президент мог бы проститься со своей политической карьерой при такой экспансии чужого языка, чужой культуры, чужих товаров, чужой ментальности. Право, порой недоумеваешь: в какой стране живёшь, почему тебе, как русскому человеку, плюют в лицо ежедневно? Именно в такой атмосфере и стала возможна — от противоположного — реанимация сталинизма. Спекулируя на нынешнем положении вещей, «патриотическая оппозиция», её печатные органы «Завтра», «Наш современник» и тому подобные пишут о Сталине всё слаще. Какой плевок в память его бесчисленных жертв! Когда национальная идея валяется в пыли на дороге, её и впрямь может подобрать любой сталинист, любой коммунистический узурпатор.

— Какой видится эта идея вам, бывшему диссиденту, опальному поэту, некогда поставленному КГБ перед выбором: эмиграция или лагерь для политзаключённых?

— Думаю, единственная спасительная национальная идея — идея духовного и культурного преемства. С тем чтобы не превратиться в «банановую республику» самого худшего образца — без бананов, надо не облучать нас двадцать четыре часа в сутки продукцией массовой культуры и потребительской идеологии, а бережно и неуклонно

возрождать традиции: социальные, моральные, культурные, религиозные. Конечно, это труднее, чем всё отдать на откуп гешефтникам, но тогда не следует удивляться и жаловаться на то, что государственный организм расплзается и криминализируется. Быть может, основная беда нынешнего, так скажем... «царствования» в том, что лучшие, самые бескорыстные силы остались не задействованы: ни в крупных городах, ни в глубинке они не имеют ни голоса, ни влияния. Как и прежде, торжествует принцип «преданности», правда, теперь уже якобы принципам «демократии».

— То есть?

— Вот маленький пример, опять же из личного опыта. Александр Солженицын, Сергей Аверинцев и Фазиль Искандер выдвинули мой стихотворный сборник «Число» («Издательство Московского клуба», 1994) на Государственную премию по литературе. Тотчас в «Московском комсомольце» появился форменный донос на меня — написанный, кстати, дочерью чиновницы Комитета по премиям Ковалёвой. Мол, на какую премию я могу претендовать, если публикуюсь в оппозиционных <sic!> газетах. Госпремия рассматривается как материальное пособие за... лояльность, словно президент — барин, награждающий своих подданных за усердие из собственного кармана. При такой психологии вряд ли возможно создать климат, где будет место независимой и не ущербной национальной идее — ибо она может вырасти лишь в атмосфере принципиальной духовной независимости.

— Вернёмся к предыдущему вопросу. Итак, для вас национальная идея...

— ... — это земство; это культура, не эпигонствующая и не таскающая объекты с зарубежной культурной кухни, а знающая свою специфику; наконец, это выработка новой политической системы — не повторяющей ни прошлого самодержавия, ни нынешних

доходящих до маразма псевдодемократических, а на деле олигархических систем. Многие намечено Солженицыным в работе «Как нам обустроить Россию». К ней ещё предстоит вернуться. Бескорыстный патриот и работник — а такие ещё остались — должен почувствовать свою востребованность. Только тогда и начнёт формироваться национальная идея, равно чуждая и шовинизму, и безнациональной расплывчатости. Отсутствие же национальной идеи ярко проявилось, например, в освещении чеченской трагедии.

— **Что вы конкретно имеете в виду?**

— Ни в одном самом раздмократическом обществе с самой вальняжной свободой слова невозможна такая интерпретация конфликта государства с сепаратистами, как у нас в Чечне. Простите, что несколько отвлекаюсь, но уж очень это болит. Ясно, что так и не окрепшая после тоталитаризма Россия не скоро оправится от новых военных, моральных и психологических травм. Теперь ей пришлось расплачиваться не только за болезнь, запущенную ещё коммунистами, не только за преступления Сталина, но и за русскую экспансионистскую политику XIX столетия, не выверенную внутренними задачами. И — за собственную легкомысленную эйфорию первых демократических месяцев, дозволивших Дудаеву укрепиться.

Но как можно теперь — это наивно, если не глупо — представлять дудаевцев эдакими свобододолюбивыми Робин Гудами: стремление к независимости тут спаяно с фундаменталистским фанатизмом, враждой тейпов, нефтяным бизнесом, криминалом, терроризмом и личным авантюризмом. Тем более незачем видеть нашу армию только как коррумпированную империалистическую громаду. Как можно её неудачи и поражения принимать едва ли не со злорадством? Ведь кто из нас — сначала с изумлением, возмущением, а потом уже и привычно — не замечал: каждое сообщение, связанное с пусть робкими, но успехами российских военных, «четвёртая власть» подаёт скороговоркой и через силу, сразу же бойко микшируя отчётом о победах боевиков, точно эти головорезы её наняли.

Нет ничего фальшивее питающегося иллюзиями и бравадой патриотизма. Но зачем же перегибать палку в противоположную сторону, бравлируя его полным отсутствием, и, щеголяя отчуждением, именовать какими-то абстрактными «федералами» своих несущих невероятные тяготы солдат? И зачем это лукавство: «Требуем вывода войск из Чечни»? Так и говорите: «Требуем капитуляции...»

Разве возможно было бы такое, существуй национальная идея? Она оберегла бы нас от чеченского кошмара и всего с ним связанного...

В общем, национальная идея не есть то, что можно взять и афористично сформулировать. Это не «догмат». Это — в воздухе разлитое здоровье, когда страна поправляется. Это — память предков, вера, семья, ощущение под собой этажей истории, красоты России...

— **Но эта красота часто в прошлом, о чём вы сами неустанно не без горечи напоминаете. Например, в стихах, напечатанных в марте 1995 года в «Новом мире» под общим названием «За поруганной поймой Мологи»:**

*Месяц ромашек и щавеля
возле озёрной сурьмы.
Словно на родине Авеля
снова убитого мы.*

*Нового Авеля, лёгшего
рядом неведомо где,
кротко улыбку берёгшего
в русой с медком бороде.*

*Стадо с приросшею кожею
к рёбрам спасается тут.
Лютые над бездорожием
овод, слепень и паут <...>*

*Все в этой местности пьющие
с каждым стаканом грубей.
Культи ветров загребущие
да колокольни, встающие
тихо из мёртвых зыбей...*

Вот строки из стихотворения о Сорской пустыни:

*Под кровавую воду ушедшие
заливные покосы губернии.*

Эти из другого — «Нищие в электричке»:

*В новорожденной пижме откосы
И в отбросах, как после крушенья.*

И ещё. Насколько я поняла, вы не сторонник какой бы то ни было идеологии...

— Слово «идеология» — дурное. В идеологии всегда есть нечто догматическое, неорганичное. Предпочитаю «мирочувствование», «мировоззрение». Они должны быть и у отдельного человека, и у государственного организма в целом. Но сейчас у нас именно идеология — рынка без берегов, идеология потребления, особенно кощунственная при таком количестве нищих и бедных. Рынок не может существовать в статус-кво — он должен работать только на расширение. А для этого необходимо неуклонное хитроумное разжигание потребления — пропагандирующая его массовая культура и есть агитпроп рынка. Шоу-бизнес и рынок — близнецы-братья, друг без друга не могут и обоюдно подпитывают друг друга. И вот на нашей не остывшей от крови коммунистических жертв земле и правит бал эта идеология — в насмешку над всем священным, что сберегли национальные гены.

— Особенно нагляден её прессинг в средствах массовой информации?

— Я заведую отделом публицистики в старейшем из толстых журналов — «Новый мир». Мы вынуждены поднимать цены, как следствие — сокращение подписки. В то же время со скоростью одноклеточного плодится бульварщина. Жёлтая пресса развращает читателей, а потом, ссылаясь на эту порчу уже как на вкус народа, который и обязаны обслуживать демократы, захватывает одну территорию в средствах массовой информации за другой. Скажите, если у нас свобода слова, по чьему приказу был убран с телевидения Солженицын? Почему на телеэкране всегда одни и те же лица столичных «деятелей» и подмигивающих нам хохмачей? Есть сильное старое русское слово «погань», как нельзя лучше определяющее львиную часть печатной и телевизионной продукции наших дней.

Бескорыстным творчеством, плодом которого и является русская литература, сейчас заниматься трудно. В крутёж выживания втянуты и те литераторы, которые ещё десять лет назад ощущали свою деятельность как служение Истине. Когда-то Томас Манн назвал русскую литературу «святой». Литература нынешняя — горькая насмешка над этим точным определением.

— Вы разделяете печаль о том, что в современной литературе отсутствует идеальный герой?

— Дело не в идеальном герое. Мы им сыты по горло в социализме: это там был конфликт хорошего с лучшим, героя идеального с тем, который не совсем верно понял последнюю партийную директиву.

В литературе идеальный герой тот, чей образ выпуклее, полнокровнее и в некотором роде эмблематичнее. В этом смысле Печорин или Ставрогин — при всём своём демонизме и даже пагубе — вполне идеальные герои. После книг Солженицына я долго не встречал яркого литературного героя. Но вот недавно повезло. В журнале «Континент» (1996. № 88) напечатана повесть Юрия Малецкого «Любью», само название которой говорит за себя: люблю — гублю — убью. Её безымянный герой очень ярок — всей душой стремящийся прилипнуть к божественной иерархии бытия, но хорошо знающий и его хаос, в одночасье готовый разметать самые благие намерения.

Трудно сейчас России, трудно и русской литературе.

— И всё же именно литература призвана способствовать рождению общественного идеала?

— Русская литература не просто способствует выработке национального идеала. Она и есть его воплощение. Разумеется, ни в коем случае не надо ставить перед литературой «задание». Полноценно только то произведение, где глубоко решены задачи, которые автор сам ставил перед собой — без оглядки на спрос или идеологию. Любое значительное художественное произведение, любая подлинная лирическая пьеса работают на духовное созидание, а не на разрушение. А следовательно, на укрепление национального идеала.

От средств массовой информации трудно ждать реальных шагов в этом же направлении. Целая армия журналистов зарабатывает неплохие деньги как раз на противоположном. К тому же журналист азартно погружён в сиюминутное, а национальная идея рассчитана, так сказать, на более глубокое нравственное дыхание. Поймите правильно, я уважаю журналистское дело, сам преподаю русскую литературу в МГУ на факультете журналистики. Но, когда — а это происходит ежедневно — журналисты из информаторов превращаются в идеологов, не имея на то нужной мировоззренческой глубины, это чревато для общественного и государственного климата самыми дурными последствиями.

В заключение хотелось бы процитировать нашего замечательного мыслителя Семёна Людвиговича Франка, высланного в 1922 году Лениным из России: «Для данного народа, в данном его состоянии и в данных условиях его жизни хорош тот общественный порядок, который, с одной стороны, наиболее соответствует органически-жизненной основе его бытия, его живым верованиям и сущностно-нравственному складу его жизни и, с другой стороны, более всего содействует дальнейшему творческому развитию божественных сил». Такой порядок достигим только по мере обретения живой национальной идеи.

Зюганов на всех перекрёстках сетует, что трёх-четырёх лет не хватило Сталину для завершения отстройки великого русского национального государства. Нет, государства, созданного несметными лагерными рабами под мудрым руководством Джугашвили, Мехлиса, Микояна и других «государственников» такого же разлива, нам не нужно. Господь уберёт нас ещё и от этого испытания.

— **Вспомнились ваши строки из стихотворения, написанного на исходе 1990 года:**

*Туземцы при этом режиме,
мы сделали всё, что могли:
на ощупь в отеческом дыме
навстречу погибели шли
и слабые силы копили
для мести какой, может быть,
но вдруг обречённо открыли,
что нечем и некому мстить.*

*...С приходом над дрёмным простором,
где в детстве крестили тебя,
и тамошним аввою в створах
таинственного алтаря,*

*землёй обескровленной нашей
со льдом иссякающих рек
— мы связаны общою чашей
и общей просфорой навек.*

— Убеждён, что Россия состоится только на фундаменте национальной идеи, свободной как от идеологического утопизма, так и от пресмыкательства перед «закатной» цивилизацией.

22 августа 1996 года

Автор

Елена Константинова

<http://yarcenr.ru/articles/culture/literature/yuriy-kublanovskiy-v-poiskakh-dukhovnoy-osnovy/>